

43. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации [Текст] : монография / А. П. Козлов ; М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Красноярский гос. аграрный ун-т». - Красноярск : Красноярский гос. аграрный ун-т, 2013. - 620 с.
44. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012.
45. Уголовный кодекс Аргентины [Текст] : Опубликовано 29 октября 1921 г. Вступил в силу 29 апреля 1922 г. / Ассос. «Юрид. Центр» ; Науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика; Пер. с исп. Л. Д. Ройзенгурта. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. - 238 с.

УДК 343.237

DOI 10.24411/2409-3203-2019-12042

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Власов Валерий Александрович

к. ю. н., доцент кафедры земельного права и экологических экспертиз

ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

доцент кафедры гражданского права и процесса

ФГКОУ ВПО СибЮИ МВД России

Россия, г. Красноярск

Толстикова Владислава Александрович

магистрант кафедры уголовного права и криминологии

ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

Россия, г. Красноярск

Аннотация: В статье формируется ряд доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с реализацией признака совершения деяния организованной группой при совершении отдельных преступлений в сфере имущественных отношений, в частности, обозначаются и анализируются следующие проблемы: определения правовой природы имущественных отношений и преступлений в сфере последних на основе доктринальных и нормативных источниках; дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности применительно к случаям совершения преступлений в сфере имущественных отношений организованной группой, а именно: обозначаются проблемы нормативного и правоприменительного толкования организованной группы, в рамках которых осуществляется анализ обоснованности отдельных существенных признаков организованной группы путем ее правового соотношения с иными формами соучастия; формируются пути решений анализируемых проблем: дифференциация существенной системы форм соучастия и выработка соответствующей правоприменительной практики.

Ключевые слова: имущественные отношения; преступления в сфере имущественных отношений (имущественные преступления); организованная группа; преступное сообщество; формы соучастия; организованная преступность; устойчивость группы.

**SOME ACTUAL ASPECTS OF CRIMINAL LEGAL RESPONSIBILITY FOR
PROPERTY CRIMES COMMITTED BY AN ORGANIZED GROUP**

Vlasov Valeriy Aleksandrovich

Ph.D, Associate Professor, Department of Land Law and Environmental Expertise
Krasnoyarsk State Agrarian University

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure
Siberian law Institute of the interior Ministry
Russia, the city of Krasnoyarsk

Tolstikov Vladislav Aleksandrovich

Master student of criminal law and criminology
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, the city of Krasnoyarsk

Abstract: These theses form a number of doctrinal and law enforcement problems related to the implementation of the sign of an act by an organized group in the commission of certain crimes in the field of property relations, in particular, the following problems are identified and analyzed: determining the legal nature of property relations and crimes in the field of the latter on the basis of doctrinal and regulatory sources; differentiation and individualization of criminal liability in relation to cases of committing crimes in the field of property relations by an organized group, namely: the problems of normative and law enforcement interpretation of an organized group are identified, within the framework of which an analysis is made of the validity of certain essential features of an organized group by its legal relationship with other forms of complicity; ways of solving the analyzed problems are being formed: differentiation of the essential system of forms of complicity and the development of appropriate law enforcement practice.

Keywords: property relations; crimes in the field of property relations (property crimes); organized group; criminal community; forms of complicity; organized crime; group stability.

На данный момент в уголовно-правовом регулировании субинститута реализации уголовной ответственности за совершение преступления в составе организованной группы, входящем в институт соучастия, где совершение преступления организованной группой является формой такового, имеет место быть ряд существенных проблем правоприменения, выраженных в отсутствии обоснованных критериев отличия организованной группы от группы лиц по предварительному сговору и преступного сообщества в действующем законодательстве, в результате чего увеличивается латентность преступлений, совершаемых в составе организованной группы. В равной степени данная ситуация относится также к случаям совершения преступлений в составе организованной группы в сфере земельных отношений.

В соответствии с п. 43 Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» одной из основных угроз государственной и общественной безопасности является деятельность преступных организаций и группировок. [4]

Особенностью имущественных отношений является то, что их регулирование осуществляется не только посредством норм гражданского права, в частности вещного, но и уголовного. Однако, правовая природа данного правового явления, применительно к дифференциации соответствующей категории преступлений, не является определенной. Наряду с этим, следует обозначить, что легальное определение имущества не было отражено в отечественном законодательстве, в т. ч. в гражданском кодексе РФ, тем не менее, надлежит установить его правовое значение.

Как пишет Б.М. Гонгало, имущество может пониматься, применительно к его гражданско-правовому толкованию в нескольких ипостасях: первое, как вещь или

совокупность вещей (статьи 606, 607 ГК РФ); второе, как совокупность отдельных объектов гражданских прав – вещей (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), а также имущественных прав (ст. 128 ГК РФ); третье, как элемент состава наследственной массы (вещи, права), наряду с обязанностями (ст. 1112 ГК РФ). [17, с. 200-201]

С анализируемой позицией сочетается определение вещного права, сформированное З. А. Ахметьяновой: «В данной связи вещное право можно определить как абсолютное право лица на манипуляции с вещью (имуществом). Следовательно, к вещным правоотношениям могут быть отнесены только те отношения, которые непосредственно связаны с вещными, имущественными правами лица». [14, с. 9-10] Также, говоря о понятии имущества, следует обозначить такое явление как право собственности, содержание которого формализовано в п. 1 ст. 209 ГК РФ: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». [1]

Исходя из сказанного, следует сделать вывод, что имущественные отношения, применительно к дифференциации отдельных преступлений в УК РФ ограничиваются лишь гл. 20 «Преступления против собственности», однако данный вывод является преждевременным.

Так, в свое время, Г. В. Плеханов писал: «имущественными отношениями на юридическом языке называются производственные отношения, или хозяйственный порядок, или экономическая структура. В анализируемых суждениях автор является далеко не одиноким. Как утверждает Е. А. Суханов, право не может непосредственно воздействовать на базисные отношения, в том числе на экономические отношения собственности (которые складываются независимо от сознания и воли людей); оно в состоянии регулировать лишь их волевою сторону — «имущественные отношения собственности». Однако данных выводов не достаточно для предания ясности исследуемому вопросу. Остается не ясным, являются ли преступления в сфере имущественных отношений преступлениями против собственности (гл. 21 УК РФ) или же их перечень является более широким. [20, с. 515; 22, с. 11-14]

Традиционно, в теории уголовного права сложился ряд точек зрения относительно понимания правовой природы собственности как единого и основного объекта соответствующей разновидности посягательств: 1) собственность как экономическое отношение; 2) собственность как правовая ценность (право собственности в субъективном смысле); 3) собственность как экономическое отношение и право собственности. [16, с. 41]

Опосредовано через соответствующий анализ доктринальные позиции, следует прийти к выводу о целесообразности и обоснованности экономико-правового (комплексного) понимания правовой природы собственности как единого и основного объекта соответствующей разновидности посягательств, в связи с чрезмерной категоричностью первой и последней позиций, не формирующей специфику искомых имущественных отношений. В данной связи наиболее удачной представляется такая категория искомых отношений, которая обозначает конкретные экономические отношения собственности, которые складываются в сфере производства, распределения, обмена и потребления по поводу использования экономических благ. Это те отношения, которые возникают между конкретными лицами в связи с принадлежностью и переходом благ (имущества, результатов работ, оказания услуг) и являются предметом правового регулирования и охраны.

Таким образом, узкое понимание преступлений в сфере имущественных отношений состоит в понимании в качестве таковых тех из них, которые дифференцированы в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности».

Обращая внимание на квалифицированный признак организованной группы, применительно к преступлениям, формализованным в гл. 21 УК РФ, следует умозаключить, что на данный момент, реализовано закрепление такового признака применительно к большинству случаев совершения деяний, предусмотренных ею, за исключением следующих составов преступлений: 1) ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное

лицом, подвергнутым административному наказанию» (как проявление административной преюдиции); 2) ст. 167 УК РФ «Умышленные уничтожение или повреждение имущества»; 3) ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности». [2]

Статистика привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ на примере ч. 4 ст. 159 УК РФ выглядит следующим образом:

по обвинению в совершении преступления, предусмотренного, ч. 4 ст. 159 УК РФ, в 2016 году было вынесено 3857 обвинительных приговоров (при этом, лишение свободы в качестве наказания было назначено 2263 раза, а условное осуждение было применено в 1548 случаях), в 2017 году было вынесено 4062 обвинительных приговора (при этом, лишение свободы в качестве наказания было назначено 2404 раза, а условное осуждение было применено в 1597 случаях), в 2018 году было вынесено 4184 обвинительных приговора (при этом, лишение свободы в качестве наказания было назначено 2336 раз, а условное осуждение было применено в 1776 случаях). [13]

Исходя из обозначенных статистических данных, следует умозаключить, что условное осуждение было назначено в 40% случаев от количества, вынесенных приговоров; альтернативные лишению свободы, наказания, назначаются крайне редко.

Организованная группа на данный момент формализована в УК РФ в трех аспектах: 1) как отягчающее и индивидуализирующее реализацию уголовной ответственности, в т. ч. наказание, обстоятельство (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (при этом, возникает вопрос относительно формализации в данном пункте отягчающего обстоятельства совершения преступления в составе преступного сообщества, поскольку это теряет правоприменительный смысл, исходя из того, что ч. 2 ст. 63 УК РФ предусматривается правило, в соответствии с которым: «Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания», а в ст. 210 УК РФ в соответствующих частях дифференцированы деяния – проявления совершения преступлений в составе преступного сообщества, применение положений которой предполагает неприменение п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку образуется совокупность преступлений); 2) как квалифицирующий признак, предусмотренный отдельными частями того или иного преступления (квалифицированного или особо квалифицированного составов), данный законодательный шаг презюмирует постоянство форм и методов преступной деятельности организованной группы; 3) как консолидирующее явление, связывающее, собственно, организованную группу и преступное сообщество (структурированную организованную группу или объединение организованных групп).

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Подобная уголовно-правовая регламентация являлась следствием перенимания советской формализации данного явления (абз. 2 ст. 17.1 Уголовного кодекса РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996)), в соответствии с которой, градация между организованной группой и преступным сообществом не проводилось, итогом чего являлось искусственное разделение устойчивости, как полагал отечественный законодатель, свойственной и организованной группе и преступному сообществу в действующей редакции ст. 35 УК РФ. [3]

Такая оценочная категория как устойчивость была впоследствии истолкована Пленумом Верховного суда РФ в ряде соответствующих постановлений. Исходя из п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»: «Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных

преступлений». [5] Данная трактовка устойчивости может быть применена, непосредственно, к организованной группе, поскольку банда позиционируется как формализованная разновидность организованной группы.

В соответствии с абз. 2 и 3 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «В отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла. Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства». [6]

В свою очередь, в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» изложено следующее толкование организованной группы: «под организованной группой понимается устойчивая группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы)». [7]

Также, п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» формализовано следующее: «Исходя из положений статьи 35 УК РФ, организованная группа характеризуется устойчивостью, более высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя». [8] Примечательно, что на этот раз, Верховный суд РФ выводит за пределы устойчивости такие признаки организованной группы как высокая степень организованности, распределение ролей, наличие организатора и (или) руководителя, что не выдерживает критики в связи с частой переменой позиций Верховного суда РФ и мнением отдельных представителей доктрины уголовного права по анализируемой проблеме.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в отличие от предыдущего Постановления Пленума Верховного Суда РФ по данным делам, не отличается информативностью, относительно трактовки признака устойчивости, присущего организованной группе. [9; 10]

Кроме того, из анализируемых Постановлений Пленума Верховного Суда РФ исходят проблемы множественности организованной преступности, виды которой, применительно к организованной группе и преступному сообществу дифференцированы в Особенной части УК РФ: статья 205.4. Организация террористического сообщества и участие в нем; статья 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем; статья 209. Бандитизм; статья 282.1. Организация экстремистского сообщества. Правовая природа анализируемых составов преступления до конца не является определенной, хотя из логики анализируемых Постановлений следует, что часть из них является видом организованной группы, а другая часть – видом преступного сообщества. Однако, возникает вопрос, как быть с соотношением ч. 3 и 4 УК РФ, исходя из которых, предполагается градации организованной преступности по признаку организованной группы: непосредственно, организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ); структурированная

организованная группа и объединение организованных групп (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Вопрос остается без ответа.

Справедливости ради, следует заметить, что проблема формирования системы форм соучастия присуща не только отечественному праву. Так, Уголовным кодексом Республики Аргентина от 29 октября 1921 г. (действующий уголовный закон) в Особенной части предусматривается формализация единственной формы организованной преступности (в уголовно-правовом смысле, а не криминологическом) – незаконное объединение (ст. 210 УК АР), подразделяющееся на, непосредственно, незаконное объединение и банду, признаками которых, является следующее: 1) группа лиц (объединение); 2) наличие в составе группы трех и более лиц; 3) направленность совершения преступлений (в качестве неконкретизированной цели преступной деятельности, следует полагать). Также, в статьях 210/2 и 213 УК АР дифференцированы следующие специфические виды незаконного объединения: незаконное объединение с конкретизированной целью создания угрозы конституционному строю Аргентинской Республики; незаконное объединение, цель которого состоит в навязывании идеологии или борьба с использованием силы или устрашения с идеями других лиц (экстремистское объединение). При этом, дифференциация первого из них является абсурдной: «незаконное объединение с конкретизированной целью создания угрозы конституционному строю Аргентинской Республики, если оно обладало, по крайней мере, двумя из следующих характеристик: а) состояло из десяти или более лиц; б) имело военную или военного типа организацию; в) его структура включала ячейки; г) располагало боевым оружием или взрывчатыми веществами большой разрушительной силы; д) действовало более чем в одном политическом округе страны; е) имело в своем составе одного или нескольких офицеров или унтер-офицеров вооруженных сил или органов безопасности; ж) имело очевидные связи с другими аналогичными организациями, действовавшими в стране или за рубежом; з) получало поддержку, помощь или руководство со стороны государственных служащих. В данном примере чувствуются особенности подхода Верховного суда РФ к решению проблемы дифференциации признаков организованной группы. [24, с. 180]

Исходя из анализируемых Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, следует прийти к выводу о разобщенности позиций Верховного Суда РФ, факультативности обозначенных признаков организованной группы, что формирует закономерный вывод о том, что регулирование анализируемого субинститута института соучастия, осуществляемое Верховным Судом РФ не способно в полной мере отвечать сложившейся ситуации.

В данной связи, справедливо и обоснованно А. В. Иванчин замечает следующее: «Но следует признать, что добиться полной формализации признака устойчивости невозможно. Это качественное оценочное понятие с неточным объемом. Поэтому все выделяемые Пленумом признаки в разных постановлениях при квалификации должны трактоваться как переменные: они могут наличествовать, а могут и нет. Комбинации этих признаков могут быть самыми различными. ...В том-то и состоит специфика оценочных понятий, что они позволяют учесть все многообразие жизненных ситуаций. Поэтому придавать обязательное значение всему набору признаков, выделяемых «через запятую» в постановлениях Пленума Верховного Суда, в том числе процитированных выше, нелогично, при квалификации нужно оценивать все параметры преступной группы в их единстве и взаимосвязи». [18, с. 196]

Таким образом, ответ об обоснованности той или иной дифференциации признака соучастия, следует искать в доктрине уголовного права. Поиск подобного ответа не ограничивается временными рамками, поскольку посредством этого, можно и нужно установить генезис явления организованной преступности, расширить круг предлагаемых авторами определений и проблем понимания.

Н. С. Таганцев понимал под организованной группой шайку как в максимальной степени организованную преступную группу; отсюда и ее определение: «Со стороны

субъективной, шайка предполагает соглашение на несколько преступных деяний, на целый их ряд, и при этом соглашение не периодически повторяющееся, а общее на постоянную преступную деятельность. [23, с. 175]

В свою очередь, А. П. Козлов обозначает свое определение организованной группы: «Под организованной группой понимается преступная группа заранее объединившихся лиц, характеризующаяся глубоким планированием всей деятельности соучастников, жестким распределением ролей, отсутствием единства места и времени совершения преступления соучастниками, выбором необходимо оптимального количества соучастников, которые определяют высокую степень организованности соучастников». [19, с. 280]

Центральной проблемой, обозначенной в доктрине уголовного права, применительно к рассматриваемому вопросу является проблема обоснованности понимания устойчивости (группы) как признака организованной группы. Существуют самые разнообразные подходы толкования устойчивости. Первое, устойчивость – это объективно-субъективный признак, свойственный организованной группе, презюмирующий ее становление в качестве таковой посредством совершения нескольких преступлений (их количество ставится в зависимость от характера и степени общественной опасности деяния). Авторы поясняют, что устойчивость (не вдаваясь в подробности о ее составе) формируется не сразу, а по прошествии совершения двух-трех преступлений, объективно свидетельствующего о наличии таковой. Данную позицию можно было бы принять, если бы круг (состав) явлений, входящих в признак устойчивости был строго очерчен (А. В. Иванчин). Второе, устойчивость является характеристикой высшей формы групповых преступлений – преступного сообщества (П. И. Гришаев, Г. А. Кригер). Подобную позицию следовало бы также принять, однако, в данном случае, также остается неясным состав признака устойчивости. [21, с. 180]

Думается, что решение проблемы следует осуществлять путем упразднения тех или иных признаков, которыми законодатель наделил отдельные формы соучастия. Надлежит провести градацию признаков форм соучастия на общие, свойственные всем четырем формам такового и специальные, отражающие специфику конкретной формы соучастия.

Первое, признак совершения преступления в составе группы лиц (группой лиц). Следует полагать, что данный признак является общим, поскольку организованная группа является разновидностью этого родового явления. Второе, признак предварительной объединенности лиц, в которой отражена более высокая степень организованности (первый специфический признак) анализируемой формы соучастия (А. П. Козлов). Третье, признак совершения нескольких преступлений не выдерживает критики, поскольку он не в полной мере отражает общественную опасность деяния, пусть он и объективен. На примере реализации ст. 209 УК РФ, следует сказать, что для данной организованной группы характерна высокая степень согласованности между ее членами; для нее свойственно глубокое планирование; включающее в себя четкое определение объекта, размера и качества предмета посягательства, характера преступного деяния, средств и способов совершения преступления, выбор оптимально необходимого количества лиц для совершения преступления (к совершению преступления привлекаются не каждый желающий, а лишь лица, участие которых необходимо для обеспечения его интенсивности, эффективности и безопасности), отсюда жесткая детализация ролей соучастников, строгое ограничение их функций, места и времени их действия и т. д. Данное явление в доктрине уголовного права обозначают как специализация.

Четвертое, примечательно, что в данном случае, роли членов организованной группы могут быть распределены таким образом, что некоторые из них будут действовать не на месте исполнения преступления, до и даже после исполнения преступления, т. е. для организованной группы характерно отсутствие единства места и времени совершения преступления (второй специфический признак). Отсюда следует вывод, что деяние, совершается организованной группой в виде соисполнительства, однако всегда ли?

Думается, что нет, поскольку в отдельных случаях, является затруднительным существование ситуации, когда соучастники не прибегают к приисканию, изготовлению, приспособлению средств совершения преступления, не осуществляют действия по сокрытию следов совершенного преступного деяния, в общем, не занимаются иными формами преступной деятельности в группе (в т. ч. не планируют такую деятельность).

Пятое, в организованной группе обязательны инструктирование или совместная разработка деталей деятельности соучастников, т. е. планирование, притом тщательное. Данный признак сопряжен с обстоятельством совершения единичного преступления. Так, исходя из Приговора по уголовному делу № 1-5/2019 от 15 апреля 2019 года по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ Канского районного суда Красноярского края: «Во избежание разоблачения преступной деятельности организованной группы со стороны сотрудников правоохранительных органов, согласно плану, Фазлы А.В. и Узун В.К. определили, что объектами совершения хищений должны были становиться банковские устройства самообслуживания (банкоматы) с находившимися в них денежными средствами, установленные в помещениях различных организаций и учреждений на территории Красноярского края в отдаленных сельских районах, куда по различным основаниям затруднительно своевременное прибытие сотрудников правоохранительных органов либо работников частных охранных предприятий, и взяли на себя обязанность поиска указанных учреждений и организаций... Участники организованной преступной группы: Фазлы А.В., Узун В.К., Чорна С.П., Еребакан И., неустановленное лицо, реализуя единый преступный умысел, направленный на совершение хищений чужого имущества, действуя согласно разработанному Фазлы А.В. и Узун В.К. плану и распределенным ролям, совершили ряд умышленных преступлений в период с 30 июня 2017 года по 19 июля 2017 года». [11]

Шестое, совершение преступления в составе организованной группы явление не стихийное, в отличие от группы лиц. Примечательно, что данная форма соучастия не нашла своего отражения в гл. 21 УК РФ, и существование которой в качестве признака преступления оспаривается отдельными представителями правовой доктрины (Д. А. Безбородов и А. В. Зарубин). [15, с. 164]

Седьмое, строго ограниченный круг лиц в преступной группе в пределах, необходимых для совершения преступления. Так, исходя из Приговора по уголовному делу № 1-23/2016 от 6 октября 2016 года по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ Советского районного суда г. Красноярска: «... у Тимофеева А.А. из корыстных побуждений возник умысел, направленный на создание и руководство организованной группой из числа ранее знакомых ему лиц для совершения разбойных нападений в отношении граждан..., а также на гражданина..., являющегося коллекционером. Реализуя задуманное, в начале... года Тимофеев А.А. вовлек в состав организованной преступной группы ранее ему знакомых Гудь Д.Ю. и Сивцова А.С., испытывающих материальные трудности, которые, руководствуясь корыстными мотивами, согласились вступить в состав организованной группы с Тимофеевым А.А., рассчитывая на протяжении длительного времени совместно совершать разбойные нападения на территории г. Красноярска. Для передвижения к местам совершения преступлений и с целью иметь возможность своевременно скрыться с мест совершаемых преступлений, Гудь Д.Ю., во исполнение общего умысла с Тимофеевым А.А. и Сивцовым А.А., согласно своей роли, действуя в составе организованной группы, должен был использовать имеющийся у него в пользовании автомобиль марки «... Совершаемые указанной организованной группой преступления в период с ДД.ММ.ГГГГ отличались однотипностью исполнения, четкостью действий и постоянным составом участников». [12] Исходя из обозначенного судебного решения, вытекает такой признак организованной группы как однотипность (в криминологии и философии уголовного права он обозначается как «профессиональная компетенция») совершенных преступлений.

Восьмое, предварительное жесткое распределение функций соучастников до, во время и после совершения преступления, каждый из соучастников по своей инициативе не имеет права выходить за пределы установленных соглашением функций (данный признак

претерпевает проблемы реализации по тому же обстоятельству, что и признак строгого ограниченного круга лиц). Девятое, наличие жесткой дисциплины в группе. Однако судебная практика идет по иному пути, признавая данный признак за преступным сообществом (преступной организацией). Десятое, умысел и сговор соучастников направлен на совершение единичного преступления.

Кроме того, следует сформулировать неутешительный вывод – законодательство и правоприменительная практика не дает единообразного ответа на вопрос об определении организованной группы, ввиду отсутствия обоснованных признаков такого в ч. 3 ст. 35 УК РФ и разобщенностью понимания организованной группы и ее признаков со стороны Верховного суда РФ. Ясности не вносит и анализ положений доктрины уголовного права, поскольку в ней находят отражения новые вариации понимания организованной группы. Одни авторы сетуют на осторожность в плане наделения организованной группы признаком соучастия, обозначают разнообразие трактовки последнего. Другие же полностью исключают анализируемый признак, характеризуя организованную группу. Третьи, наделяют не только организованную группу признаком устойчивости, но и менее общественно опасные формы соучастия. Единство позиций по данному вопросу среди ученых-теоретиков и практиков состоит в том, что устойчивость – это качественное оценочное понятие с неточным объемом. В связи с этим, все выделяемые Пленумом Верховного суда РФ признаки в разных постановлениях при квалификации должны трактоваться как переменные: они могут наличествовать, а могут и нет. Комбинации этих признаков могут быть самыми различными, что видится как справедливая позиция по данному вопросу, тем не менее, не разрешающая его.

Законодателю надлежит уделить данной проблеме особое внимание, поскольку она касается не только организованной группы, но и других трех форм соучастия. Законодателю надлежит переосмыслить дифференциацию всей системы форм соучастия, выработать обоснованные признаки каждой из него, только лишь в данном случае возникнет единообразная судебная практика, тем самым возникнет объективность и обоснованность выносимы судебных решений.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 13.11.2019).
11. Приговор по уголовному делу № 1-5/2019 от 15 апреля 2019 года по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ Канского районного суда Красноярского края – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.htm> (дата обращения: 13.11.2019).
12. Приговор по уголовному делу № 1-23/2016 от 6 октября 2016 года по п. «а» ч. 4 ст.162 УК РФ Советского районного суда г. Красноярск – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.htm> (дата обращения: 13.11.2019).
13. Статистика. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Агентство правовой информации URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 13.11.2019).
14. Ахметьянова З. А. Вещное право: Учебник. – М.: Статут, 2011. – 360 с.
15. Безбородов Д. А., Зарубин А. В. Проблемы квалификации незаконной рубки лесных насаждений, совершенной в соучастии // Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность: сборник материалов науч.-практ. конф., г. Симферополь, 8 июня 2017 г. Симферополь: Изд-во: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2017. С. 163- 166.
16. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 359 с.
17. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп.– М.: Статут, 2017. – 511 с.
18. Иванчин А. В. Проблемы квалификации экономических преступлений, совершаемых в составе организованной группы // Юридическая наука и практика: вестник нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 195-199.
19. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с.
20. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5-ти т. М.: Гос. изд-во полит, лит-ры, 1956. Т.2. С.824
21. Соучастие по советскому уголовному праву [Текст] / П. И. Гришаев, Г. А. Кригер. - Москва : Госюриздат, 1959. - 255 с.
22. Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.
23. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Лекции. Т. 1. М., 1994. С. 335.
24. Уголовный кодекс Аргентины [Текст] : Опубликовано 29 октября 1921 г. Вступил в силу 29 апреля 1922 г. / Ассоц. «Юрид. Центр» ; Науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика; Пер. с исп. Л. Д. Ройзенгурта. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. - 238 с.

